

Вступление

«Второй комиссар был, так же как и первый, смущен простыми и твердыми показаниями этого мушкетера, над которым он между тем жаждал одержать верх, что всегда заманчиво для судейского чиновника в борьбе с человеком военным».

Данная цитата взята из «Трех мушкетеров» — самого, пожалуй, популярного романа нашего детства. Как ни странно, но именно в приведенном фрагменте образно сконцентрирована суть той проблемы, разбору которой посвящена предлагаемая работа. Речь, конечно же, пойдет не о творчестве Дюма-отца, хотя этому великому беллетристу трудно отказать в интуиции. Дело в том, что противостояние благородных военных и коварных судейских — это не только картина французской действительности времен кардинала Ришелье. В данном случае мы сталкиваемся с неким, если можно так выразиться, социально-психологическим архетипом, который постоянно дает о себе знать практически в любую эпоху и практически в любом государстве. К нашей, современной, действительности это также имеет самое непосредственное отношение.

Сегодняшние «миротворческие» инициативы, на которых помешалась вся наша «прогрессивная общественность», отнюдь не являются каким-то шагом «доброй воли», как это представляется большинству из нас. За всем этим «миротворчеством» стоят вполне прозаические интересы судейских, уверенно идущих к своему духовному и политическому господству. Торжество «доброй воли» — лишь очередной этап на этом пути. Поскольку все сегодня решили, что войн не должно быть в принципе, то именно с этих позиций стали оценивать статус военных, которые из защитников отечества стремительно «переквалифицировались» в защитников мира.

Восхищаясь гуманностью подобных начинаний, мы обычно игнорируем то обстоятельство, что данный «гуманизм» направлен не столько против войны со всеми ее ужасами, сколько против военной традиции и традиционной государственности. Как известно, исконные, традиционные функции любой армии всегда были связаны либо с защитой собственного государства, либо с захватом новых территорий. Это значит, что государственные интересы с самого начала непосредственно зависят от мощи

вооруженных сил, без которых немыслимо ни одно государство. Стало быть, армия является неотъемлемой частью всего социального организма, а потому ее ликвидация или изменение ее статуса самым негативным образом отразятся на состоянии всей социальной системы. Представьте, что произойдет с вами, если у вас ликвидируют, например, печень или изменят ее истинные (функции; всему вашему организму сразу же придет смерть. Однако те же законы действуют и на социальном уровне. Поэтому нетрудно вообразить, что по идее должно произойти с некоторыми современными государствами, после того как их вооруженные силы окончательно «перепрофилируют».



Нынешняя «прогрессивная общественность», радикально изменяя статус вооруженных сил, предписывает армии совершенно иные, нетрадиционные функции; декоративные и полицейские. В первом случае армия чем-то уподобляется современной английской королеве, которая уже не управляет государством, а занимается благотворительностью. Во втором — жандармерии и специальным карательным отрядам. В качестве примера декоративной армии можно привести современные «миротворческие» подразделения ООН, в качестве примера полицейской армии — хваленые «силы быстрого реагирования» НАТО.

Такую странную, в общем-то, метаморфозу вооруженных сил пытаются сегодня объяснить исключительно социальным прогрессом, постоянно подчеркивая мысль, что армия в ее традиционном варианте является пережитком варварского прошлого. Поэтому отказ от военной традиции многие связывают с очередным этапом человеческого развития, которое якобы направлено в сторону всеобщего мира и процветания.

Однако можно ли считать, что современная эпоха действительно несет в себе нечто принципиально новое и «прогрессивное», или это всего лишь выход наружу того, что долгие годы вызревало под спудом? Мы очень часто слишком поспешно ссылаемся на так называемый закономерный процесс развития, забывая при этом об относительности подобных понятий. Там, где один видит «развитие», другой усмотрит случайное и нежелательное преобразование. Это касается и сегодняшнего «миротворчества».

Уничтожение военной традиции фактически связано с вытеснением с политической арены военных, которые некогда были доминирующей социально-политической силой. Теперь политику определяют преимущественно «гражданские лица», основная часть которых — люди с юридическим образованием. Правовая система, а не вооруженные силы,— вот доминирующий фактор современности. Судейские чиновники, таким образом, все-таки одержали верх над военными. На этот раз — в масштабе всей планеты.

Задача данного труда как раз и заключается в том, чтобы показать внутренний механизм этого глобального противостояния, вскрыть его психологические корни. Только так мы сможем понять, какой поистине грандиозный размах приобрела эта невидимая война — война двух традиций, двух мироощущений, двух типов власти,— определяя порой не только судьбы отдельных людей, но даже судьбы целых государств и континентов.

Как правило, дух войны выводят из духа насилия. Во всяком случае, так принято считать в наши дни. При этом само насилие воспринимается всегда как-то «недифференцированно», а потому и трактуется оно весьма однозначно — как нечто единое по своей изначальной сути.

Тем не менее мы прекрасно понимаем, что насилие насилию рознь. И даже в такой области, как вооруженная борьба, насилие может принимать принципиально различные формы. Можно, например, бороться с противником открыто и по правилам, а можно — нанося удары исподтишка, оставаясь при этом максимально недосыгаемым для ответного удара. Ведь есть существенная разница между столкновением на равных, лицом к лицу, и предательским ударом в спину. Насилие имеет место в обоих случаях, однако формы его выражения здесь совершенно различны, даже с точки зрения морали (хотя современная мораль в такие тонкости уже не вдается).

Указанные только что методы борьбы отражают разные поведенческие стереотипы, в соответствии с которыми каждый человек использует насилие в отношении своего противника. На основе таких, казалось бы, несущественных моментов возникли два принципиально отличных друг от друга стиля борьбы — стиль поединка и стиль террора. Оба стиля являются некими социально-психологическими «прафеноменами», из которых, в свою очередь, «произрастают» те или иные формы власти с характерным для них восприятием войны и отношением к противнику. Пусть это не покажется странным, но корни любой стратегии уходят именно в эту «прафеноменальную» почву. Даже современные вооруженные силы несут на себе отпечаток того или иного стиля борьбы. Только по причине нашего особого «недифференцированного» восприятия нам не удастся обнаружить это с первого взгляда: всевозможные нагромождения техники скрывают от нас самое существенное — ту «прафеноменальную» основу, которая осталась неизменной с глубокой древности. Сохраняясь под спудом многочисленных вторичных форм, она тем не менее так или иначе просматривается за всеми атрибутами современной социально-политической системы.

Рассмотрим теперь оба стиля борьбы в их, так сказать, «первозданной чистоте» — в контексте тех духовных традиций, в лоне которых они зародились.

Традиция поединка. Поединок как стиль, надо полагать, восходит к культуре древних ариев и когда-то в той или иной степени был присущ практически всем индоевропейским народам, которые и распространили его по всему свету. Наиболее отчетливо каноны поединка выражены в ведической литературе, отчего я и заключаю, что именно древние арии являются основателями этого стиля. Наглядный пример тому — кшатрийская этика, которая прямо предписывала воинам убивать друг друга в открытых столкновениях. «Цари, взаимно желающие убивать друг друга в битвах, сражающиеся с крайним напряжением сил, с неотвратимым лицом, идут на небо», — так об этом сказано в знаменитых Законах Ману(1). Такая чрезмерная, по современным меркам, суровость данного предписания объясняется тем, что поединок в ту пору имел исключительно духовное значение. Считалось, что для воина путь к бессмертию и загробному блаженству лежал в условиях открытого столкновения с равным по силе противником, когда не было никаких гарантий легкой победы. Короче говоря, здесь шла реализация основополагающего метафизического принципа: «смертью смерть поправ».

В те времена основным признаком благородства (то есть благодатности, богорожденности) считалось наличие бесстрашия и способности сознательно рисковать своей жизнью во имя высших идеалов. Этим человек как бы доказывал свое «неземное» происхождение и причастность небесным силам. Поэтому единственной формой вооруженной борьбы, которую признавали благородные воины, было именно открытое столкновение на равных. Впоследствии это привело к созданию всевозможных

рыцарских «кодексов чести» — основного культурного достояния военной аристократии разных времен и народов. Европейские рыцари, разумеется, не изобрели ничего нового, а лишь на свой манер продолжали следовать древней традиции. И когда ее метафизическая подоплека была уже изрядно забыта, поединки постепенно превратились в заурядные кровавые разборки надменных господ, уже и не помышлявших о загробном блаженстве, но действующих исключительно из гордыни, идя при этом на поводу у «общественного мнения».

Тем не менее традиция поединка оказала существенное влияние на облик тех народов, где она была принята в качестве доминирующей этической нормы. Понятно, что эту норму утверждала военная аристократия, в руках которой была сосредоточена практически вся политическая власть, благодаря чему в общественном сознании укоренялись соответствующие поведенческие стереотипы. В первую очередь, конечно же, аристократическая этика сказалась на характере военной стратегии и тактики. И поскольку военными тогда были практически одни лишь аристократы (то есть «благородные»), то и войны велись в соответствии с канонами поединка.

Война воспринималась как огромное ристалище, на котором благородные люди демонстрировали свою доблесть, чем, собственно, и подтверждали свое благородство. Сражались открыто, лицом к лицу, с соблюдением всех правил. Иногда перед началом боя даже устраивался поединок двух самых сильных воинов от той и другой стороны (вроде знаменитого поединка Пересвета с Челубеем). Кроме того, вожди принимали самое непосредственное участие в боевых действиях, находясь, так сказать, прямо на передовой. Немалое значение имел эстетический момент сражения, чему во многом способствовали всевозможные стяги, знамена, штандарты, хоругви, красивая военная форма, а также «эстетичные» боевые построения. Как известно, в древности и раннем средневековье трудовое население из числа крестьян и ремесленников не рассматривалось в качестве основного «военного ресурса». Война была священной привилегией аристократии. Но даже когда впоследствии из простолюдинов стали формировать многочисленные пехотные полки, стиль поединка выразился в создании известной линейной тактики, которая просуществовала до начала XX столетия.

В общем, война, как и поединок, по многим показателям носила ритуальный характер, тем более что всегда велась под религиозными знаменами и была, в первую очередь, войной за идею. Неудивительно, что возвышенный идеализм преобладал над практической целесообразностью, даже если это и вело порой к трагическим результатам. Как пишет Мария Оссовская, автор книги «Рыцарь и буржуа», для рыцаря погибнуть в бою, особенно в неравной схватке, иногда было даже предпочтительнее и почетнее, чем оказаться победителем. Часто случалось так, что именно героическая смерть давала рыцарю возможность покрыть свое имя неувядаемой славой. «Боязнь

быть заподозренным в трусости, — пишет Оссовская, — вела к нарушению элементарных правил стратегии, что в свою очередь часто кончалось гибелью рыцаря и его дружины»(2). Окруженный врагами Роланд не трубит о помощи, дабы не подумали, будто он трусил. И дело тут не только в стремлении рыцаря сохранить хорошую репутацию, как полагает автор книги. В рамках сакрального мировоззрения победа над противником трактовалась исключительно в метафизическом ключе: героическая смерть в действительности была истинной победой — победой духовной. Это было на первом плане. Победа над слабым противником не делала чести, а победа, доставшаяся бесчестным путем, с точки зрения благородного человека была поражением — невзирая на ее эмпирическую значимость. Поэтому к противнику не испытывали тогда характерной для наших дней биологической ненависти. Мало того, сильного и мужественного врага принято было даже уважать, а порой и восхищаться им, брать с него пример.

Помимо чисто военной сферы, стиль поединка выразился и в других областях общественной жизни. Так например, когда-то поединок был компонентом судебной практики. Речь идет об ордалиях, благодаря которым выявляли правых и виноватых. Даже в среде простонародья различные бытовые конфликты также было принято решать открытым путем, хотя бы с помощью кулака, но без интриг и предательских ударов в спину. Последнее считалось позором. Интересно, что раньше в русских деревнях одной из молодежных забав был кулачный бой «стенка на стенку» с его известным правилом: «лежачего не бить».

Итак, основные каноны поединка следующие: 1) преобладание духовных, метафизических целей над материальными, эмпирическими, преобладание идеализма над практической целесообразностью; 2) открытость вооруженного столкновения и взаимное соблюдение единых правил; 3) предпочтение достойного противника — равного или более сильного — слабому, бесчестному или трусливому.

Традиция террора. Террором обычно называют не ограниченное никакими моральными рамками насилие, направленное на достижение каких-либо конкретных целей, в том числе и политических. Тем не менее есть такие социальные группы, где практика террора считается чем-то совершенно нормальным и не выходит за рамки принятых там моральных норм. Для преступников, например, террор является вполне приемлемой формой борьбы за свои интересы. А совокупность преступников — это уже целая социальная группа, со своими внутренними законами и со своей традицией. Это значит, что традиция террора существует реально, и там, где ее придерживаются, она полностью определяет представления о роли насилия, а также определяет нормы взаимоотношений с противником.

Пока еще трудно сказать, каковы религиозные и культурные истоки этой традиции, тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что у некоторых диких племен террор является практически единственным видом военной тактики. Вот что пишет по этому поводу советский этнограф С. А. Токарев: «Главным методом ведения войны на ранних этапах развития, и в частности у австралийцев, являются внезапные нападения из засады, ночью, исподтишка. Против таких нападений человек обычно бессилён»(3).

Подобная «партизанская» тактика вообще весьма характерна для так называемых малых народов, находящихся на «догосударственном» уровне социального развития. По причине отсутствия у них своей военной аристократии, у них отсутствует и соответствующая военная традиция. Воины здесь — это в первую очередь ополчение, то есть все вооруженные мужчины племени, для которых военное дело обычно совмещается с мирной трудовой деятельностью. Поэтому война зачастую воспринимается ими сквозь призму прозаических материальных интересов. И это неудивительно, ведь для малых народов война непременно связана с проблемой физического выживания, что так или иначе сказывается на выборе наиболее приемлемой для них тактики.

В отличие от поединка, террор преследует исключительно эмпирические, земные цели. Если рыцарь, испытывая себя в сражении, намеренно подвергает свою жизнь опасностям, то террорист наоборот, стремится свести опасность к минимуму. Первый воюет со смертью, второй из страха перед ней прибегает ко всяким ухищрениям. Вступая в схватку, террорист отнюдь не расположен сознательно рисковать ради каких-то возвышенных причуд. Его основное намерение — во что бы то ни стало уничтожить противника, и чем более эффективное средство он выберет для этой цели, тем лучше. Отсюда упор на практическую целесообразность. Иногда страх за собственную жизнь вынуждает игнорировать всякие правила и пренебрегать честностью. Обман и коварство — характерные уловки любого террориста, непременные атрибуты его боевой практики. В общем, данная традиция покоится на хорошо известном принципе: «Цель оправдывает средства». По тому же принципу в данном случае будет вестись и война.

Основным видом террористической тактики, как было уже сказано, являются скрытые и внезапные нападения, ошеломляющие противника и не дающие ему времени для оценки сложившейся ситуации. Недостаток собственных сил здесь может с успехом компенсироваться навязыванием противнику невыгодных условий боя, для чего часто используются засады, ловушки, трудно проходимая местность, специальная маскировка, всевозможные хитрости, а также какой-либо особый маневр, не дающий противнику

возможности целиком использовать свою мощь.

По свидетельству некоторых древних историков, подобная тактика была в ходу у славян, которые часто использовали внезапные нападения из засады. В случае, если противник оказывал значительное сопротивление или переходил в контрнаступление, нападавшие стремительно отступали в укромное место (чаще всего в лес), прикрывая спины большими круглыми щитами. Интересен и другой пример. Во время англо-бурской войны англичане несли большие потери по той причине, что по традиции следовали линейной тактике, в то время как их враги — буры — использовали маскировку и стреляли по противнику из засады.

Здесь необходимо отметить еще одну существенную деталь, а именно, наличие укромного места, своего рода военной базы, откуда совершаются все террористические вылазки и куда возвращаются после завершения военной операции. Так, например, поступают все грабители, разбойники и партизаны. Особенно это было характерно для морских разбойников, вроде финикийских пиратов, викингов или рюгенских славян. Кстати, Лев Гумилев полагал, что мнение о безумной храбрости викингов ложно. По его мнению, викинги активно использовали биостимуляторы, конкретно — отвар из мухоморов. Это позволяло им входить в безумный воинственный экстаз и подавлять тем самым страх смерти. Последнее также необходимо учесть, ибо искусственное подавление страха весьма характерно для традиции террора.

К другому виду террористической тактики можно отнести использование численного превосходства как решающего условия для достижения победы. Ведь террор — это не только скрытность, это, прежде всего, — насилие при минимуме ответного удара. Численное превосходство над противником как нельзя лучше удовлетворяют этим условиям. Такая тактика, например, была характерна для монголов. Как подчеркивают историки, монголы никогда не начинали битву, не имея при этом двух-трехкратного превосходства в живой силе. Вообще, как мы знаем, избивание слабых и беззащитных — это террор в его чистом виде.

Еще одной чертой террора является психическое воздействие на противника с целью вызвать у того испуг. Это лишний раз свидетельствует о том, что террорист, в отличие от рыцаря, предпочитает иметь дело с пугливым, а стало быть, слабым, недостойным противником. Причем нередко случалось так, что психические атаки действовали куда эффективнее физических. Так, Тит Ливий в своей «Истории Рима» рассказывает, что галлы, идя в наступление, издавали ужасные крики, чем сеяли панику в рядах неприятеля. Однако на деле они оказывались не такими уж хорошими вояками, и после

непосредственных вооруженных столкновений миф о галльской непобедимости мгновенно развеялся.

К методике устрашения противника постоянно прибегают почти все дикари. Обычно с этой целью они используют ритуальную окраску, особые выкрики, жесты и т. д. Кроме того, перед боем они искусственным путем вводят себя в состояние экстаза — при помощи наркотических веществ или ритмичной музыки и танцев.

Итак, основные признаки террора: 1) приоритет эмпирических интересов, упор на практическую целесообразность; 2) отсутствие правил борьбы, выбор наиболее уязвимых мест противника для нанесения ему удара; 3) предпочтение слабого, недостойного противника и наличие биологической ненависти к нему.

О том, как по большому счету реализуются террористические методики в современных социально-политических условиях, будет сказано ниже.

1 Законы Ману, 1960, гл. VII, 89.

2 М. Оссовская. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987, с. 83.

3 С.А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1990, с. 87.

Теперь посмотрим, что произойдет при столкновении двух указанных традиций. Иначе говоря, рассмотрим процесс взаимодействия военной аристократии с малыми народами, или «туземцами».

Как известно, рыцарь вступает в поединок только с себе подобными. С людьми недостойными, особенно с теми, кто не намерен соблюдать правила, поединок невозможен в принципе. Однако «туземцы», по известным причинам, особых благородных правил не придерживались. Стало быть, и на них самих благородные правила не распространялись. И если «туземцы» совершали террористические вылазки против вооруженных захватчиков, последние отвечали на это адекватным образом: террором за террор. Так возникла почва для известного антагонизма между благородными завоевателями и «местными» борцами за свободу.

Прежде чем прибегать здесь к каким-либо моральным оценкам, скажем несколько слов о традиционном понимании природы власти. В древности законы субординации формулировались просто: беззубые служат пищей для зубастых, пугливые — для бесстрашных. Те, кто входил в число «зубастых», автоматически занимали господствующее положение в обществе. Считалось, что политическая власть санкционирована высшими божественными силами, а потому ее обладатели выступали в качестве представителей этих сил на земле. Военная аристократия воспринималась в ту пору как особая «раса господ», самими богами предназначенная для земного владычества. Как уже говорилось выше, благородство тогда доказывалось рискованным образом жизни, постоянным участием в войнах и поединках. Кто мог сознательно рисковать своей жизнью ради возвышенных идеалов, тот подтверждал свое священное право на власть. Погибшие в боях получали награду на небесах, оставшиеся в живых утверждали божественный порядок на земле. Формой такого порядка было государство, которое возникало в результате завоевательных мероприятий военной аристократии. Естественно, что последняя диктовала свои условия и законы покоренным народам, или «туземцам», из числа которых впоследствии сформировались подчиненные, «неблагородные» сословия.

Таким образом, реальный политический режим воспринимался как вполне справедливое

образование, безупречное с точки зрения тогдашней, традиционной морали. Простонародье, предпочитавшее мирную и безопасную жизнь военным походам и поединкам, уже по своим психическим задаткам не могло претендовать на господство. Поэтому мирным труженикам ничего другого не оставалось, как добровольно признать власть господ или... заняться террором. В последнем случае появлялись упомянутые борцы за свободу, вроде знаменитых английских «вольных стрелков».

Сегодня наши симпатии, как правило, на стороне таких вот борцов, которым обычно принято приписывать героизм и благородство, умаляя при этом достоинства их антагонистов. Однако, как полагал Лев Гумилев, те же «вольные стрелки» были обычными браконьерами, — просто народная молва создала впоследствии легенду о «славном парне» Робин Гуде, на основе чего мы теперь составляем свое представление о той эпохе. В итоге в очередной раз приходим к выводу, что все завоеватели — жалкие и ничтожные, в то время как борцы за свободу — смелые и благородные. Однако все это не вяжется с реальным положением вещей, поскольку в этом случае «вольным стрелкам» самим Богом была бы определена роль политической элиты. чего, конечно же, не произошло. Дело тут в особенностях «народного воображения», в котором постоянно возникают подобные инверсии, когда желательное начинает выдаваться за действительное. Интересно, что авторы рыцарских романов рисуют иную картину: в их произведениях жалким и ничтожным выглядит именно простонародье. И только учитывая тот факт, что сегодня наша психика по всем параметрам близка к «простонародной», можно объяснить нынешнюю склонность разделять мнения народной молвы.

С точки зрения благородной воинской этики, человек, нападающий исключительно из засады, достоин самого искреннего презрения. Поэтому в отношении террористов не действовали никакие моральные ограничения: тот, кто не следовал правилам открытой войны, выводил себя за рамки всякой морали. Так например, знаменитые японские самураи, особо щепетильные в вопросах чести, с невероятной жестокостью расправлялись с не менее знаменитыми ниндзя — профессиональными диверсантами-убийцами,— подвергая их после поимки (если такое случалось) самым изощренным истязаниям. Аналогичным образом европейские коллеги самураев расправлялись со всякими «народными мстителями».

Мы обычно осуждаем военную аристократию за ее жестокость в отношении восставших, полагая, что карательные акции являются отступлением от благородных принципов. Однако это далеко не так. Подавляя всякие «партизанские» вылазки «туземцев», аристократы действовали строго в рамках своего кодекса чести. Благородный воин, не дорожающий собственной жизнью, не мог понять и оправдать того, кто брал в руки оружие и в то же время рассчитывал на снисхождение со стороны врага. Кто решился

воевать — тот решился на смерть. Суровые законы войны одинаковы для всех, в чьих руках оказалось оружие — и для слабых, и для сильных. Война — это не спортивная игра, здесь поражение означает смерть или рабство. Поединок, как известно, не прекращается до тех пор, „пока один из участников не будет убит или открыто не признает своего поражения. Но пока он сжимает в руках свой меч, бой продолжается. И в отношении «партизан» эти законы не меняются: пока они не сложат оружие, к ним не проявят пощады.

Терроризм, конечно, не исключает мужества. Однако такое мужество обычно лишено характерной «нордической» сдержанности и скорее всего имеет какую-то инстинктивную природу, более напоминая звериную ярость, чем преисполненную возвышенными помыслами отвагу. Это вполне понятно: благородный воин стремится к опасности совершенно сознательно и добровольно, в то время как «партизан» рискует только в силу необходимости — либо в целях выживания, либо в поисках средств к существованию, либо просто одержимый жаждой мести. Склонность к скрытым действиям и прозаичность устремлений служат помехой для ведения чисто завоевательных, оккупационных войн, а стало быть, препятствуют попытке создать собственное государство. Ведь оккупанты не только действуют открыто, но также несут ответственность за состояние подчиненных им территорий. Что касается малых народов, то им такой груз ответственности не по плечу. Все их вооруженные предприятия, совершенные по собственной инициативе, будут постоянно принимать форму примитивного разбоя. И партизанская война в этом плане не исключение. Поэтому в глазах господ-аристократов, несущих ответственность за социальный порядок, восставшие «туземцы» были деструктивным, антигосударственным фактором, который в любом случае надлежало устранить.

Так что рано или поздно порядок все равно устанавливался. Покорившиеся власти «туземцы» постепенно ассимилировались ею и превращались в «нацию». Так возникал единый этнос с характерными для него стереотипами поведения. Аристократия во главе с монархом, как и положено, сосредотачивала в своих руках политическую власть, «нация» занималась мирным трудом, духовенство своим авторитетом поддерживало данный порядок. Что касается «партизан», то они, как правило, либо уходили далеко «в подполье», либо выпадали на социальное дно, перерождаясь в заурядных разбойников и грабителей и уже в этом качестве продолжая расшатывать государственные устои.

Однако внешняя покорность «нации» и вырождение «партизан» еще не сулили аристократии вечной монополии на политическую власть. Помимо революций и прочих народных волнений, которые периодически сотрясали любое государство, военным пришлось столкнуться с другой политической силой, причем вполне легальной. Эта новая сила — судебская власть, которая со временем составила серьезную конкуренцию

традиционной власти военных.

Каждый из нас понимает, что создать из инертного материала какой-либо полезный предмет гораздо сложнее, чем распорядиться и пользоваться этим предметом в его готовом виде. Чтобы построить дом, требуется куда больше усилий, нежели этот дом обжить и содержать в чистоте. Что же касается государства, то это такой же «дом», возведение которого обходится намного дороже, чем его последующая «эксплуатация». Поэтому у истоков всех государственных образований стоят люди энергичные и решительные — те самые, которых Лев Гумилев называл «пассионариями». Как мы понимаем, военные аристократы относятся к этой категории в первую очередь. Именно они, будучи инициаторами завоеваний, приносят в это дело организующий момент, создавая из «сырого» этнического субстрата вполне упорядоченную вещь — саму государственную структуру. Государство, таким образом, — дело рук героев, для которых власть — их законное достояние, награда за бесстрашие и самоотверженность.

Однако «законное достояние» можно получить и другим путем, не совершая для этого требуемых усилий и не обнаруживая необходимых качеств. Дом, например, можно получить по наследству, и для этого совсем необязательно быть строителем или обладать соответствующими навыками. То же происходит и с государством, где власть может также передаваться как наследство или как подарок, или каким-нибудь другим аналогичным путем. Все зависит от прихоти главного хозяина, и такое в истории Европы в конце концов произошло. Так постепенно возникло противостояние политиков-идеалистов (военной аристократии) и политиков-прозаиков (судейских чиновников). Первые претендовали на власть как потомки «строителей» государства, вторые — как хранители «домашнего очага», без которых государство становилось неуютным и мрачным. И главным арбитром в этом споре был монарх, который уже слабо доверял первым и крайне нуждался во вторых.

Повод для возникновения такой ситуации дали сами господа-аристократы. Если бы не их чрезмерная гордыня, породившая раскольнические настроения, государям не пришлось

бы прибегать к крайним мерам по пресечению дворянского сепаратизма. Теряющий власть монарх, будучи уже не в состоянии вдохновлять своих подчиненных на благородные поступки, начинал апеллировать к низменным чувствам, благодаря чему он находил себе поддержку среди людей, не обремененных особым благочестием и способных поддерживать авторитет и влияние своего покровителя самым недостойным образом. В результате появилась весьма устрашающая карательная организация, своего рода служба госбезопасности, ставшая впоследствии основным фактором внутренней политики. Если до этого врагами государства были в основном восставшие «туземцы» и их выродившиеся преемники в лице разбойников и бандитов, то теперь репрессии обрушивались на тех, кто так или иначе традиционно олицетворял государственную власть.

Так возник довольно знаменательный, но, с другой стороны, весьма опасный прецедент. Фактически сам монарх возводил практику политического террора в ранг законного действия. И это было бы не так страшно, если бы одновременно с тем он не наделял политической властью людей, по всем традиционным меркам ее недостойных. Так появились упомянутые «наследники», люди, обладавшие ярко выраженной криминальной психологией, но тем не менее определявшие судьбу своего государства. В психологическом плане какой-нибудь Тристан Отшельник или Малюта Скуратов ничем, наверное, не отличались от типичных разбойников и бандитов. И только благодаря случайному стечению обстоятельств избежали эшафота и сами стали чинить суд. Диалектика перехода бандита в свою «противоположность» достаточно хорошо известна, и с философской точки зрения принципиальной разницы между тем и другим нет. Стереотипы поведения бандита и карателя практически идентичны, особенно учитывая их предрасположенность к террору. Таким образом, в лице новоявленных «хранителей престола» потомки некогда покоренных «туземцев» пробирались к вершинам государственной иерархии, ведь многие из них, как правило, были людьми незнатного, неблагородного происхождения.

Наибольшая опасность новых политических перестановок заключалась в том, что благодаря узаконенному террору происходила смена традиционной парадигмы власти. Иными словами, политическая власть лишалась своего бывшего священного, мистического ореола и начинала восприниматься сквозь призму практических интересов. Неудивительно, что как раз на закате рыцарской эпохи Людовик XI произнес свою знаменитую фразу: «Кто не умеет притворяться, тот не умеет царствовать».

Удар по аристократической традиции был нанесен и с другой стороны. Дело в том, что с таких же эмпирических позиций стали воспринимать и войну, а значит стал пересматриваться и статус самого военного. Армия теперь нужна была лишь как средство, как инструмент внешней политики. Весьма примечательно, что тот же

Людовик XI, отрицавший всякие благородные принципы, создал во Франции наемную армию. Его российский «коллега» — царь Иван Грозный — поступал аналогичным образом, создав, с одной стороны, карательные отряды опричников, с другой — профессиональные стрелецкие полки.

Как ни странно, но в данном случае было полное соответствие между политической стратегией и стратегией военной. В основе и того, и другого лежал единый принцип, который почти незаметно, но зато весьма интенсивно изменял общественное сознание. Во-первых, внедрялась мысль, что с помощью финансов можно компенсировать недостаток благородного энтузиазма. Это приводило к доминированию экономического фактора над фактором духовным, «идеалистическим», что, в свою очередь, усиливало позиции третьего сословия. Кроме того, появлялась необходимость в государственных чиновниках, которые постепенно становились весьма влиятельной политической силой, утверждая при этом новую, «мещанскую» парадигму власти. Во-вторых, благодаря активному привлечению простолюдинов к военной службе, для некоторых господ появилась возможность посылать на смерть вместо себя кого-то другого. Таким образом, часть знати была избавлена от необходимости воевать, сохраняя при этом свое высокое положение и всю полноту власти. Это привело к тому, что облик самой военной аристократии стал изменяться до неузнаваемости.

В целом же на уровне подсознания утверждалась следующая идея: для получения власти нет необходимости рисковать своей жизнью, а стало быть — доказывать благородство своей натуры. Этим, как мы понимаем, наносился серьезный удар по духовным основам аристократизма, ибо благородство само по себе уже не ассоциировалось с политическим господством. Теперь карьеру можно было делать и в кабинете, где царили иные законы и правила, весьма далекие от рыцарского кодекса чести. Таким образом, новая парадигма власти способствовала постепенному вытеснению военной аристократии с политической сцены, где ее место стал занимать новый тип государственного деятеля, пробиравшегося к вершине социальной пирамиды благодаря не столько личному мужеству, сколько интеллекту, хитрости или изворотливости, совмещенных к тому же с мещанским упорством и расчетливостью. Первыми проторили этот путь судебские чиновники, особенно после того, как с чисто уголовных дел перешли к решению политических вопросов, что знаменовалось появлением особых карательных служб государственной безопасности, или охранки.

В отличие от армии, охранка напоминала некую тайную секту — как по своей структуре, так и по характеру взаимоотношений между ее членами, не говоря уже о методах борьбы с противником. Вполне возможно, что прототипом охранки были некоторые религиозные ордена, в частности, католический орден доминиканцев. Последние, как известно, были в свое время главной опорой инквизиции, осуществляя и тайный надзор,

и расправу над противниками церкви. Кстати, Лев Гумилев намекал на то, что в рядах опричников — прославленных карателей Ивана Грозного — находились люди с особым, негативным мироощущением. То есть опричнина была пронизана специфическим сектантским духом. Интересно, что доминиканский орден возник во время борьбы с альбигойцами, когда немалое количество представителей данной секты проникло в структуру католической церкви, что существенно сказалось на облике последней. Именно после альбигойских войн католическая церковь в борьбе со своими врагами сделала откровенную ставку на террор, опираясь при этом на монашеские ордена вроде доминиканцев. Впоследствии же, как мы знаем, возник еще более устрашающий орден — орден иезуитов, особо прославившийся своей террористической практикой¹. Европейские монархи, таким образом, взяли на вооружение ту же методику, создав организации, аналогичные по своим функциям карательным католическим орденам.

По сути дела, так складывалась некая система двоевластия, поскольку параллельно существовали две не просто конкурирующие, но даже враждебные друг другу государственные структуры — армия и охранка, — которые не только выполняли разные функции, но и следовали разным традициям. Армия все еще продолжала соблюдать нормы благородной аристократической этики, в то время как охранка невольно реанимировала «туземную» традицию.

Карьера человека военного, как и в древности, пролегла сквозь пекло войны. Чтобы подняться до государственных вершин, ему в любом случае приходилось рисковать собственной жизнью. Карьера судейского, как было сказано, делалась «мирным путем», во всяком случае, риск здесь был менее значительным. Военные командиры лично возглавляли походы и боевые операции, подвергаясь опасностям вместе со своими подчиненными. Судейский чиновник мог выполнять задание, не выходя из кабинета, отправляя «на дело» соответствующих исполнителей (в этом он чем-то уподоблялся магу-чернокнижнику, который, сидя внутри магического круга, отдавал указания злым духам-исполнителям). Далее, военный человек сталкивался с противником лицом к лицу, при равных шансах с обеих сторон. Судейские исполнители обрушивались на свою жертву неожиданно, из засады, или же пользовались численным превосходством, то есть действовали по всем канонам террора⁽¹⁾.

Впрочем, кого это особенно интересует, пусть перечитает «Трех мушкетеров» Александра Дюма. Нигде столь изысканно не показана картина противостояния военных и судейских, как именно в этом романе. Капитан мушкетеров де Тревиль и кардинал Ришелье — вот два символа двух противоборствующих сил и двух традиций. С одной стороны, открытые и честные мушкетеры, постоянно рискующие жизнью и мечтающие о подвигах, с другой — скрытные, хитрые и бесчестные агенты кардинала, одержимые жаждой мести.

Для укрепления государственности, конечно же, необходимы были обе структуры, и пока сохранялись устои монархического правления, в этой области поддерживался определенный паритет. Однако чаша весов рано или поздно должна была склониться в ту или иную сторону: учитывая общую духовную тенденцию — в сторону судебной власти. Можно сказать, что таким образом «туземцы» начинали одерживать верх над потомками своих вчерашних поработителей, «воскресая» в таком вот новом облике. Может быть, именно этим объясняется та инстинктивная ненависть, которую испытывал каждый судебный чиновник в отношении военных, с которыми он вел столь упорную борьбу.

1. Здесь можно провести параллель с тайными африканскими союзами, для которых практика террора была единственным методом поддержания власти. То есть все это еще раз подтверждает сектантский характер охранных карательных организаций. Уместны также параллели и с мафиозными группировками, поддерживающими свою власть аналогичным образом.

Выше мы рассмотрели противостояние двух форм власти в рамках единой государственной системы. Теперь рассмотрим, как будет происходить тот же процесс на межгосударственном уровне.

Несмотря на всеобщую, глобальную победу судебных, в ряде государств даже к началу XX столетия военная аристократия еще прочно удерживала свои позиции, продолжая так или иначе следовать древним традициям. В первую очередь это касалось монархических держав, таких как Россия, Германия или Япония, где императоры

выступали в качестве законных самодержцев. Монарх, хотя и выполнял роль посредника между военными и судебскими, все же оставался символом военной аристократии, будучи генетически связанным с ней. Иначе дело обстояло в либерально-демократических государствах, где доминировала идея личных прав и свобод, а потому государственность здесь олицетворял судебский чиновник, представитель весьма «гражданской» профессии. Таким образом, в зависимости от степени влияния той или иной формы власти, государства можно условно разделить на два типа; традиционные и прогрессивные. К первому типу, как мы понимаем, принадлежат те, где военные выступали в качестве основной политической силы, ко второму — те, где армия играла исключительно подчиненную, «служебную» роль.

Понятно, что между государствами данных типов не могло не возникнуть противостояния, подлинный источник которого — тот же самый, что и в рассмотренном выше случае. То есть та социально-политическая ситуация, которая некогда была характерна для отдельного государства, теперь переносилась на общепланетарный план. В результате в мире возникли две противоборствующие геополитические силы, претендующие на статус мировых супердержав, но осуществляющие свои намерения в рамках совершенно разных традиций(1).

Как и стоило ожидать, представители первого «лагеря» («традиционалисты»), добиваясь господства, основной упор делали на вооруженных силах, представители второго «лагеря» («прогрессисты») отдавали предпочтение дипломатии. И несмотря на то, что армии и тех, и других были одинаково внушительными, роль их в каждом случае оценивалась по-разному. В традиционных государствах — России, Германии или Японии — военная служба была наиболее почетным видом деятельности, тогда как в государствах прогрессивных — Англии или США — военных уважали меньше, хотя и признавали их полезность. И это далеко не случайно. Первые отстаивали свои интересы в соответствии с древней традицией — военным путем, а потому так высоко ценили военных. Вторые предпочитали мирный путь, поэтому больше доверяли банкирам и дипломатам. При этом не стоит думать, будто вторые прибегали к мирным методикам, исходя из каких-то гуманистических соображений. Дело в том, что слово «мирный» здесь означает «невооруженный», «невоенный» — в традиционном значении этого слова. Как мы понимаем, подобная «мирная» практика была также нацелена на достижение господства, только, в отличие от военных методов, была менее рискованной. Как и положено судебским, «прогрессисты» добивались господства не столько благодаря мужеству, сколько опять-таки благодаря интеллекту, хитростям, расчету и прочим уловкам. Обычно осуждая открытую войну как «варварский» метод решения конфликтов, они пытались уничтожить своих конкурентов «изнутри», активно занимаясь подрывной работой. Именно они изобрели такие «альтернативные» методы борьбы, как финансовая война, психологическая война и т. п.

Интересно, что еще в начале нашей эры индийский мудрец Каутилья написал целый политический трактат («Артхашастра»), где подробно изложил те методики достижения господства, которыми сегодня всю пользуются «прогрессивные» политики демократических государств. Так, военному могуществу Каутилья предпочитает искусство дипломатии, в связи с чем пишет следующее: «Царь, обладающий глазом знания (умом) и искушенный в науке (политике), даже с малым усилием в состоянии использовать дипломатические средства и одержать верх над другими, будь они настойчивы и сильны, посредством соглашений и тому подобных мер, шпионов и тайных средств»(2). Оспаривая мнение предшественников относительно решающей роли смелости в деле политики, Каутилья выдвигает на первый план именно интеллектуальную изощренность, хитрость и расчетливость, то есть те качества, которые необходимы для дипломатического искусства. Что касается упомянутых «тайных средств», то под ними подразумеваются создание лобби, подрывная работа (устройство волнений в стане врага), подкуп или физическое уничтожение важных лиц, шпионаж, нарушение договоров, интриги и тому подобные вещи. Как мы знаем, подобное «организационное оружие» имеется и в арсенале современных «прогрессивных» политиков Запада, в первую очередь США.

Островное положение таких прогрессивных государств, как Англия и США, еще более усиливает их сходство с судебским, или охранным учреждением. Морские границы, как известно, самые безопасные. Помимо этого, они дают возможность общаться с противником опосредованно, без прямого контакта. При этом само государство напоминает упоминавшуюся выше базу, укромное место, откуда можно совершать вылазки и возвращаться обратно. Как уже говорилось, подобный «замкнутый цикл» характеризует деятельность всех тех, кто так или иначе связан с террором: разбойников, грабителей, партизан, а также судебных исполнителей. Поэтому в основу военной стратегии государств прогрессивного типа заложены именно эти разбойничье-партизанские, или судебские принципы.

Разумеется, все это отразилось и на облике самих вооруженных сил. Армия, которая стала орудием судебской власти, по сути своей так или иначе уподобится полицейским и карательным отрядам. И речь здесь идет не только о ее функциях, но и о характере ее технического оснащения. Поскольку судебские отдают предпочтение террору, это неизбежно сказывается на их выборе соответствующих видов вооружений. Ведь дело тут не в оружии как таковом, а в тех духовных основах, которые дают о себе знать не только в замыслах военных стратегов, но даже в творениях инженеров, конструкторов и ученых. Все зависит от характера той воли, которая направляет научно-техническую и военную мысль.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить вооруженные силы Англии и США с

вооруженными силами Третьего Рейха. Противостояние либералов и нацистов — это всего лишь один из фрагментов грандиозной борьбы судебных с военными. Нацисты, как известно, апеллировали к древним рыцарским традициям, намереваясь, по сути дела, вернуть военным их былой авторитет. Еще до прихода к власти Гитлер открыто заявлял о необходимости военной оккупации восточных земель(3). Поэтому статус военного в нацистской Германии был необычайно высок. По сути дела все политические функции перешли там именно в руки военных. Так, основная власть в империи Третьего Рейха фактически принадлежала ордену СС, который был своего рода военным братством, а не охранкой, как теперь пытаются нам внушить. Конечно же, все инициативы нацистов по возрождению рыцарского духа в большей степени напоминали фарс, тем не менее остатки благородной воинской традиции в какой-то степени отразились на характере германских вооруженных сил.

В отличие от Англии и США, где основное внимание уделяли военно-морским силам, в Германии главную роль играли сухопутные войска. Это вполне понятно, поскольку без мощной сухопутной армии немцы не могли бы ни обороняться, ни вести широкомасштабные завоевания. Впрочем, здесь можно сослаться на чисто географические факторы. Однако существенные различия были и в плане конкретных видов вооружений, где уж точно отразились духовные особенности тех и других.

Так, англичане и американцы большое внимание уделяли стратегической авиации, немцы — фронтовой. Поэтому первые выпустили огромное количество «летающих крепостей» — тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков, в то время как немцы сосредоточились на истребителях и пикирующих бомбардировщиках. Стратегической авиации у немцев практически не было, зато у них были самые лучшие истребители, которые по всем показателям превосходили аналогичные англо-американские образцы. Как только в небе над Испанией появился первый «Мессершмитт-109», так в авиаконструкторских учреждениях Англии, США и СССР начался самый настоящий переполох. Фактически немцы оказались «законодателями моды», явив миру передовой образец боевого самолета, до которого их противникам предстояло еще дотянуться. И это удавалось далеко не всем. Так, американские истребители в среднем в полтора раза превышали по массе немецкий прототип, что отрицательно сказывалось на их летных характеристиках. Если немецкий «Мессершмитт» весил порядка трех тонн, то американский «Мустанг» — на тонну больше, а «Тандерболт» — почти на три. В Англии авиаконструктор Митчелл кое-как довел свой «Спитфайр» до более-менее приемлемого уровня. Пожалуй, лишь советские боевые машины могли хоть как-то равняться с немецкими, но и они создавались в соответствии с вражеским образцом.

Чем можно объяснить такую страсть нацистов к истребителям? Возможно именно тем, что истребитель — это оружие поединка(4). С другой стороны, чем можно объяснить

страсть англичан и американцев к тяжелым стратегическим бомбардировщикам, по количеству которых они в несколько раз превзошли и Германию, и Советский Союз вместе взятых? Пожалуй, только тем, что стратегический бомбардировщик — это оружие террора. Как правило, он работает «по тылам» и летит на очень большой высоте, будучи при этом трудно уязвимым для вражеской зенитной артиллерии. В отличие от фронтовых бомбардировщиков, работающих в основном по «точечным объектам», здесь большая точность не нужна, ибо бомбардировке подвергается весь населенный пункт, либо отдельные кварталы.

Аналогичная картина наблюдалась и в наземных войсках. Как было сказано, англичане и американцы не придавали им решающего значения. В этом плане, как правило, они особое внимание уделяли мобильным частям — вроде американской морской пехоты или знаменитых английских «коммандос» (прототипом последних, кстати, были одноименные отряды бургских партизан). В Германии, наоборот, основной ударной силой вермахта были не «коммандосы», а бронетанковые соединения. Поэтому неудивительно, что немецкие танки (как и истребители) по многим параметрам существенно превосходили англо-американские образцы. И судя по всему, рыцарский дух в какой-то степени сказался и в этом случае. Ведь что такое бронетанковые войска, как не современный эквивалент средневековой тяжелой конницы? Возможно, генералы вермахта интуитивно использовали тактику своих далеких тевтонских предков, — но уже в современных условиях. В общем, танк, хотя он и был изобретен англичанами, в какой-то степени также является оружием поединка.

Что касается современных вооруженных сил, то благодаря усилению англо-американского влияния, их террористическая сущность выразилась еще более отчетливо. Остановимся лишь на основных моментах.

Так, важнейшим фактором стало оружие массового уничтожения, в особенности ядерное оружие, которое вообще нельзя рассматривать как средство войны, ибо это исключительно средство террора (недаром американцы опробовали свои атомные бомбы на мирном населении). Кроме того, благодаря ядерному оружию существенно возросла роль стратегической авиации, не говоря уже о крылатых и баллистических ракетах.

Далее, фактор «быстрого реагирования» затронул теперь и область тактической (фронтовой) авиации, где основным классом боевых машин стал истребитель-бомбардировщик, способный наносить почти молниеносные удары по вражеским позициям (даже весьма отдаленным). На Западе такие самолеты называют тактическими истребителями. Правда, в отличие от знаменитого «Мессершмитта»,

тактический истребитель — это уже не столько оружие поединка, сколько оружие террора. Подобно стае злых духов, тактические истребители внезапно набрасываются на свою жертву и, растерзав ее, стремительно возвращаются на свою базу. Внушительным примером использования подобного оружия может служить известная военная операция НАТО на Ближнем Востоке в январе 1991 года. При этом напомним, что бомбовая нагрузка такого «среднего» тактического истребителя, как «Торнадо», в два раза превосходит бомбовую-нагрузку «Летающей крепости» В-24.

Сегодня американцы большое внимание стали уделять так называемым самолетам-невидимкам, сходство которых со злыми духами еще более возрастает. А в перспективе планируется активное использование беспилотных летательных аппаратов. Как видим, американская военно-инженерная мысль развивается исключительно в рамках судейской психологии. Иными словами, воля американских стратегов и инженеров вполне идентична воле заурядных бандитов и карателей охранных спецслужб.

1. Московский геополитик-традиционалист А. Дугин в связи с этим выдвинул даже целую концепцию о глобальном противостоянии «евразийцев» и «атлантистов», в основу которой он положил идеи видных западных мыслителей. См. А. Дугин. Конспирология. М., 1993.

2. Артхашастра М.. 1993. с. 387.

3. Тот, кто считает такие заявления безнравственными, пусть сравнит их с высказываниями Аллена Даллеса о намерении американцев превращать своих врагов в моральных уродов, чтобы потом побеждать их мирным путем.

4. Напомню, что немцы были первыми создателями реактивного истребителя, который

появился у них еще в 1939 году, а уже в 1944 реактивные истребители были ими приняты на вооружение (если бы не советские провокации, это бы произошло раньше).

Современные либералы постоянно осуждают большевиков за милитаризм, и поэтому развал СССР воспринимается ими как поражение ненавистной коммунистической военщины. Однако мало кто из них сегодня вспоминает, что именно большевики были когда-то ненавистниками державного духа и того самого милитаризма, который ныне им ставят в вину. К сожалению, даже наши патриоты-государственники далеко не всегда учитывают этот факт, продолжая по ошибке видеть в большевиках носителей державных принципов.

В действительности же большевики отстаивали принципы мирного сосуществования и продолжают это делать вплоть до настоящего момента. Как известно, первым декретом Советской власти был декрет о мире, который красноречиво свидетельствовал о подлинной сущности новоявленной политической силы. Ведь мы теперь прекрасно понимаем, что на самом деле означают эти «мирные методы» решения конфликтов. Короче говоря, большевики насаждали типично судейскую форму власти, намереваясь превратить традиционную Российскую Державу в государство прогрессивного типа. Поэтому острие их борьбы в первую очередь было направлено именно против господствующих военно-аристократических идеалов.

По своему духу и по своей структуре большевистская партия (как и любая революционная организация вообще) была типичной тайной сектой, а потому террор для нее был вполне приемлемым методом борьбы. Еще во времена первой революции Ленин настойчиво рекомендовал использовать партизанскую тактику в борьбе с регулярными частями царской армии. Придя к власти, большевики сразу же предприняли отчаянную попытку создать свою новую революционную армию исключительно на демократических, а точнее добровольческих принципах. Из армии изгонялся не только дух аристократизма, но даже дух профессионализма, поскольку в большевистской трактовке армия была вооруженным народом, то есть ополчением. Кстати, эта трактовка сохранялась на всем протяжении существования Советской власти. И несмотря на то, что добровольческие принципы потерпели крах (по чисто объективным причинам), «миротворческий» импульс большевиков не мог не отразиться на характере восприятия войны и военных. Как и положено судейским, большевики нещадно

критиковали всех завоевателей, как, впрочем, и методы открытой войны, противопоставляя всему этому идеалы мирной и безопасной жизни.

В общем, Советский Союз так или иначе был государством прогрессивного типа и по этим параметрам он приближался, как ни странно, к Англии и США. Во всяком случае, так было до войны, пока Сталин не объявил себя верховным главнокомандующим. Хотя и это была типичная большевистская инсценировка, поскольку на деле советский вождь был далеко не военным по своей биографии. Кроме того, в борьбе с врагами советская власть целиком опиралась на свой зловещий репрессивный орган госбезопасности, который всю распоряжался судьбой армии. Армия, фактически, играла подчиненную, служебную роль. А учитывая те перспективы, которые большевики сулили всему миру, военные вообще воспринимались как пережиток прошлого, во всяком случае — как некое вынужденное объективными обстоятельствами социальное образование. При таком отношении к военным милитаризм большевиков выглядит весьма специфически.

Возможно, кто-то сочтет слишком неуместной параллель между тоталитарным советским режимом и либеральными демократиями Запада. Однако пресловутый тоталитаризм — это, так сказать, диалектический момент судебской власти. На том же демократическом Западе судьбы своих государств вершат отнюдь не «свободные граждане», а спецслужбы, отличие которых от знаменитой советской охраны разве что в методах манипуляции общественным сознанием — не более. При этом как либералы, так и коммунисты отстаивают единую парадигму власти и в практическом плане сближаются в методах борьбы. И наверное, далеко не случаен был их союз во время Второй мировой войны — классический пример судебской облавы против военного, только на международном уровне.

Особенно примечательна в этом плане военно-политическая стратегия большевиков в предвоенный период. То, что внутри страны царил беспощадный террор, это хорошо известно. Однако тем же путем красные пытались бороться и с внешними врагами, стремясь таким образом заполучить мировое господство. Как известно, большую надежду в этом плане большевики возлагали на международное революционное движение, которому они всецело способствовали.

Иными словами, советцы активно занимались подрывной деятельностью, словно по методике индийского мудреца Каутильи(1). И процесс этот направлялся, естественно, не представителями Красной Армии, а специалистами ЧК — НКВД. То есть «мировая революция» шла по ведомству большевистской охраны.

Весьма характерны и приоритеты большевиков в области вооружений. Так, до войны большевики основное внимание уделяли стратегической авиации и мобильным соединениям. Например, именно в Советском Союзе в конце 20-х годов был создан первый тяжелый стратегический бомбардировщик «классической конструкции» (цельнометаллический моноплан) — ТВ-1. Спустя несколько лет (в 1933 г.) появилась еще более грозная четырехмоторная боевая машина — ТБ-3.

Интерес большевиков к этому виду техники был настолько высок, что в течение 30-х гг. советская авиация сумела поставить ряд выдающихся мировых рекордов по дальности перелетов. И чаще всего, конечно же, такими «рекордсменами» оказывались боевые образцы машин. Можно себе представить, какое впечатление это производило на тогдашнюю мировую общественность. И судя по всему, большевики прекрасно осознавали значение своих экспериментов. В их глазах, безусловно, стратегическая авиация была прямо-таки супероружием, и будучи пионерами в данной области военной техники, советы стали слишком переоценивать возможности собственных вооруженных сил. Отсюда их невероятное бахвальство, совмещенное с уверенностью в том, что Красная Армия будет воевать исключительно на чужой территории. Весьма показателен в этом отношении следующий факт. Еще до войны сам товарищ Сталин лично бросил в урну письменное предложение авиаконструктора Ильюшина о создании бронированного штурмовика. Это вполне понятно: штурмовик предназначался для борьбы с вражеской бронетехникой, в то время как большевики намеревались бомбить вражеские города. Поэтому с точки зрения их тогдашней стратегии бронированный штурмовик Красной Армии был не нужен. Так что все их внимание в ту пору было сосредоточено исключительно на дальних перелетах(2).

Авиация интересовала большевиков и с точки зрения создания многочисленных «сил быстрого реагирования», то есть воздушного десанта. С этой целью, как пишет Виктор Суворов — автор скандально известной книги «Ледокол»,— большевики активно развивали парашютный спорт.

Как уже было сказано, советские стратеги отводили мобильным соединениям, наряду со стратегической авиацией, основную, решающую роль. Принцип мобильности был характерен практически для всех родов войск, включая фронтовую авиацию и даже бронетанковые войска. В 1934 г. в конструкторском бюро Н. Туполева был создан уникальный по своим тактико-техническим характеристикам скоростной бомбардировщик СБ, который по скорости не уступал тогдашним истребителям. Весьма примечательно, что немецкие авиаконструкторы, в отличие от советских, работали в то время над созданием пикирующего бомбардировщика. И это вполне понятно: скоростной

бомбардировщик удовлетворял требованиям внезапности, пикирующий — точности. Большевикам, которые не собирались вести изнурительных фронтовых батальонных действий, а планировали сразу же наносить массированные удары по тылам противника, особая точность бомбометания была не нужна. К тому же пилот-«пикировщик» рискует куда больше, чем пилот-«оперативник».

Для уничтожения «точечных» объектов большевики намеревались использовать более скоростную и маневренную технику. Фактически они стали создателями первого тактического истребителя. Им оказался знаменитый И-16, в его «пушечной» модификации. Судя по всему, он в первую очередь предназначался для уничтожения аэродромов и объектов коммуникаций. Помимо пушечного вооружения, И-16 мог нести под свои крылом пару небольших бомб или несколько реактивных снарядов. Позднее американцы в том же качестве стали использовать свои «Мустанги» и, в особенности, «Тандерболты»(3).

Что касается бронетанковой техники, то здесь большевики особое внимание уделяли быстроходным, или крейсерским (по западной классификации) танкам. Вот как писал о таких машинах (речь идет о танках марки БТ) Виктор Суворов в своем «Ледоколе»: «БТ можно было использовать только в агрессивной войне, только в тылах противника, только в стремительной наступательной операции, когда орды танков внезапно врываются на территорию противника и, обходя очаги сопротивления, устремляются в глубину, где войск противника нет, но где находятся его города, мосты, заводы, аэродромы, порты, склады, командные пункты и узлы связи».

Весьма серьезное значение придавалось и особым дивизиям НКВД. Как пишет тот же Суворов, в распоряжении данного ведомства находилось огромное количество оперативных отрядов, преимущественно диверсионно-подрывного и карательного назначения. Причем это была своего рода боевая «элита советских вооруженных сил, наподобие дивизий СС. Правда, если орден СС был чисто военной организацией, то НКВД, наоборот, — организацией судебной, причем ярко выраженной.

Существенные коррективы в большевистскую стратегию внесла война. И не только в стратегию, но даже в идеологию. Факт этот многим хорошо известен, ведь именно в ходе войны большевики вдруг вспомнили о русской воинской традиции, о русском патриотизме, о Православии. Как ни жестоко это звучит, но только благодаря войне удалось несколько «осадить» обнаглевшую советскую чрезвычайку. Не нужно даже вдаваться в тайны закулисного противостояния армии и НКВД, чтобы догадаться об усилении политических позиций военных после наступления войны. Главное

свидетельство тому — резкое изменение приоритетов в области вооружений. Предвоенная стратегия большевиков, которая могла возникнуть только в умах судейских, потерпела полный крах. Так что настал черед за словом истинно военных. Интересно, что когда-то Россию, по словам Льва Гумилева, таким же образом «спас» от опричнины крымский хан. Здесь, как видим, возникла аналогичная ситуация.

Очевидно, удрученные неудачным опытом военных операций в Финляндии и на Дальнем Востоке, незадолго до войны большевики начали спешно перевооружать Красную Армию, но уже по принципам другой, традиционно военной стратегии. Процесс этот, конечно же, стимулировался тревожными прогнозами насчет вероятной нацистской оккупации. Поэтому, хотели того большевики или нет, им приходилось считаться со стратегией и тактикой вероятного противника, и исходя из этого, принимать на вооружение соответствующие виды техники. В самом конце 30-х г. начались упорные работы по созданию фронтового истребителя, способного конкурировать с «Мессершмиттом», и пикирующего бомбардировщика. Буквально перед войной в серию был запущен прославленный впоследствии бронированный штурмовик Ил-2, о котором до этого отзывались с большим скепсисом.

Также на вооружение были приняты и «нормальные» танки, вроде знаменитых Т-34 и КБ — с широкими гусеницами, толстой броней и мощным вооружением.

Весьма примечательны следующие детали. Так, в отношении «тридцатьчетверки» первоначально царил такой же скепсис, как и в отношении бронированного штурмовика. Далее, пикирующий бомбардировщик Пе-2 был создан на базе высотного истребителя ВИ-100, то есть большевики целенаправленно пикирующими бомбардировщиками до этого не занимались. Вначале они решили переоборудовать туполевский СБ, потом взялись за яковлевский скоростной разведчик, но в итоге все-таки остановились на модели Петлякова. И весьма показателен тот факт, что еще в 1936 г. на вооружение Красной Армии был принят двухмоторный стратегический бомбардировщик ДБ-3, а спустя пару лет — его улучшенный вариант — ДБ-3Ф, или Ил-4. То есть в этом направлении большевики трудились весьма упорно. Однако, словно по иронии судьбы, случилось так, что во время войны бомбардировщики Ил-4 обычно приходилось использовать не по их прямому назначению, а в качестве фронтовых бомбардировщиков и торпедоносцев.

В общем, нацисты невольно вынудили красных пересмотреть их «просудейские» военные концепции. Только во время войны товарищ Сталин понял, что Красной Армии штурмовики Ил-2 нужны как хлеб и как воздух. По этой причине прекратилось серийное

производство высотных истребителей МиГ-3 и тяжелых стратегических бомбардировщиков ТБ-7, поскольку для тех и других использовался тот же тип двигателей, что и для Ил-2. Неудивительно также, что на этот период практически были свернуты программы по развитию стратегической авиации. Так, например, не был принят на вооружение новый дальний бомбардировщик Ил-6, зато началось серийное производство пикирующих бомбардировщиков Ту-2 (который, кстати, был создан еще в начале войны, однако в серию был запущен лишь к началу 1944 г.). Параллельно с этим полным ходом шло развитие фронтовых истребителей, а также средних и тяжелых танков. И успехи были налицо: к концу войны советские конструкторы создали самые лучшие образцы боевой техники данных классов. Но самое главное — это то, что после войны резко повысился авторитет военных и усилилось их влияние на политику, в результате чего товарищ Сталин стал считаться великодержавным русским шовинистом. Некоторые «великодержавные» черты приобрело и само Советское государство.

Однако последнее обстоятельство не совсем устраивало следующего советского генсека — Н.Хрущева, который опять сделал ставку на международное рабочее движение и... на стратегические ракеты. Как пишет Александр Дугин в своей «Конспирологии», Хрущев основывал свою военную концепцию «исключительно на использовании межконтинентальных ракет в ущерб всем остальным видам вооружения»(4). Правда, после смещения Хрущева ситуация опять-таки изменилась в пользу «великодержавных» ориентиров.

Тем не менее нельзя сказать, что в Советском Союзе военная традиция была восстановлена в более-менее «чистом виде». Этого вообще невозможно было ожидать, учитывая господствующую коммунистическую идеологию, изначально отстаивающую судебскую парадигму власти. Поэтому попытки некоторых «замаскированных» традиционалистов (или национал-большевиков, как их еще называют) влить в красную форму белое содержание, были с самого начала обречены на полный провал. Самое красноречивое свидетельство тому — сегодняшний развал России. Это не просто наше политическое поражение, это, в первую очередь, — поражение духовное, поражение идеи державности, которая никак не может быть совмещена с принципами мирного сосуществования.

За годы советской власти у нас появилось огромное количество ни разу не воевавших офицеров и генералов, то есть военных (формально), сделавших карьеру невоенным, «судейским» путем. Армия погибла в самой себе, и когда для страны наступил критический момент, у нее вдруг не нашлось достойных защитников. Военные, которых сам долг обязывал защищать державу до конца, так и не решились рискнуть, не решились на жертвы, на насилие, на смерть, и предпочли позор физическому поражению. В итоге декоративные советские генералы оказались командирами

декоративной армии в условиях декоративной политической системы.

Итак, держава погибла, «мир и безопасность» — победили. Иначе и быть не могло, ибо первое всегда растет за счет умаления второго, и никто никогда не отменит этого закона.

1. Интересно, что Каутилья рекомендовал вести агитацию среди лесных племен (то есть «туземцев»), чтобы поднять их на восстание.

2. Большевики, судя по всему, находились тогда под влиянием доктрины итальянского стратега Дуэ, по мнению которого основная задача в современной войне должна возлагаться на тяжелые многомоторные боевые самолеты. Влияние этой доктрины испытали и американцы. Интересно, что тогда было принято проводить аналогии между боевыми самолетами и боевыми кораблями. Так, тяжелый бомбардировщик был своего рода «воздушным линкором», линкором», который сопровождался «воздушными крейсерами» — тяжелыми двухмоторными истребителями.

3. Задачи собственно фронтовой авиации несколько отличаются от задач авиации оперативно-тактического назначения. В первом случае «работа» ведется непосредственно над полем боя, где уничтожаются боевая техника, живая сила и укрепления противника; во втором случае самолеты «работают» по объектам, имеющим в той или иной степени стратегическое значение: аэродромам, мостам, узлам связи, железнодорожным коммуникациям, штабам, складам и т.д., — то есть тем объектам, которые обычно служат целью для диверсантов и прочих отрядов специального назначения.

4. А. Дугин. Конспирология. М., 1993, с. 1 12. В данном труде Дугин утверждает, что в Советском Союзе с самого начала шла борьба между двумя тайными центрами —

орденом «Полярников-евразийцев» (в лице Генштаба и ГРУ) и орденом «атлантистов» (в лице ЧК-НКВД-КГБ).

Когда сегодня мы говорим об ужасах войны, то прежде всего имеем в виду последствия чудовищного применения современного оружия. Однако мы забываем при этом, что сами военные, как носители соответствующей традиции, не имеют к этим средствам уничтожения никакого отношения. Мало того, если бы воинская традиция не сдавала своих позиций, то современные солдаты по-прежнему были бы вооружены копьями, мечами, топорами, луками и кинжалами. Известно, например, какое негодование вызвало когда-то у рыцарей появление огнестрельного оружия. Еще каких-то сто с лишним лет назад старые русские адмиралы считали для себя позором служить на пароходном судне. Наверное, не в особом восторге были некоторые военные и от появления пулемета, поскольку это вынуждало отказаться от линейной тактики, что сводило на нет всю эстетику сражения. Теперь же солдат должен был пригибаться к земле, припадать к ней, врываться в нее или сливаться с природой. Для воина, оставшегося верным древней аристократической традиции, это зрелище было поистине невыносимым. Поэтому можно себе представить, как должны были отреагировать истинные военные на появление ядерного оружия, которое еще более вынуждает зарываться в землю, зарываться как можно глубже. И невольно создается впечатление, что все эти «прогрессивные» изобретения — результат каких-то магических процедур, какого-то мрачного таинства, связанного с почитанием темных, хтонических сил. И не усматривается ли во всем этом воля судейских: стремление скрыться, подалее уйти, зарыться, сделаться недоступным, замкнуться в тесном пространстве, чтобы наслаждаться маленьким похотливым счастьем, счастьем червя, насекомого? Ведь к чему приведет ядерная катастрофа? — именно к маленькому «счастью» в подземелье. Чисто подсознательно, повинувшись одним лишь неосознанным инстинктам, судейские ведут мир к этой мрачной развязке.

В самом деле, прогресс в области вооружений был спровоцирован отнюдь не военными. Так, порох был изобретен даосскими алхимиками, противниками вооруженного насилия. И как ни странно, такие же апологеты ненасилия изобрели ядерное оружие. В создании атомной бомбы активное участие принимал Альберт Эйнштейн, считавший себя

убежденным пацифистом. В Советском Союзе над созданием водородной бомбы работал прославленный «миротворец-гуманист» Андрей Сахаров.

К чему, по большому счету, стремились древние даосы? К такому вот замкнутому индивидуальному «счастью», хотя бы и в его метафизическом понимании. К тому же, собственно, устремлены и упомянутые «миротворцы-гуманисты» — к такому же замкнутому «счастью», только понимаемому более вульгарно. Но в целом воля изобретателей пороха созвучна воле изобретателей ядерного оружия.

Итак, противостояние военных и судебных — это противостояние небесных сил и сил хаоса. Вот подлинная онтология данного процесса. И на сегодняшний день, судя по всему, хаос побеждает. Надолго ли?

«Ориентация» □ 5/1995